

Андрей Юрганов

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» В МАРТЕ 1953 ГОДА¹

УДК

172.1; 93/94

Words about inadmissibility of “personality cult” for the first time were pronounced on the second day after burial of I.V.Stalin. These words were pronounced by G.M.Malenkov. Yet these words were not directly referred to Stalin. If one proceeds from the primary intention of the CC of CPSU secretary P.N.Pospelov’s memorandum where the CC of CPSU Presidium meeting held on March 10, 1953, was mentioned then it is obvious that this meeting was in no way connected with Stalin’s name. The key idea of the speech G.M.Malenkov delivered to journalists was simple. To none of three top leaders of the Soviet Union, members of the CC of CPSU Presidium G.M.Malenkov, L.P.Beria, and V.M.Molotov, should not be given any preponderance. The leadership should be collective. However even after the July Plenum of the CC of CPSU Presidium (at this forum G.M.Malenkov for the first time made the direct statement that there had been “the cult of Stalin’s personality”) no public exposure of Stalin’s activities followed. Such campaign was impossible due to the only reason: criticism of Stalin expressed at the CC Plenum was allowed only to the top Party officials and only at the closed Party events. For all the rest and for the Soviet society as a whole the topical campaign of “the harmful cult of personality” exposure was reserved. This campaign of veneration of the great personality despite the fact that the true creator of history is the people ran on until N.S.Khrushchev’s secret report to the 20th Congress of the CPSU.

Ключевые слова: смерть Сталина; «культ личности»; коллективное руководство страны; недопущение публичной критики Сталина.

Key words: Stalin's death; the cult of personality; collective leadership of country; avoiding public criticism of Stalin.

E-mail: iurganov@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929–1955 гг.», ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

Стиль всех публикуемых документов сохранен.

10 марта 1953 года

На следующий день после похорон И.В.Сталина в газете «Правда» от 10 марта 1953 года были опубликованы сообщения об этом важнейшем событии. На первой полосе – траур-

ная речь Г.М.Маленкова, на третьей полосе опубликована фотография с изображениями Сталина, лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна и Маленкова. У Сталина руки спрятаны за спину, и он смотрит вниз, Мао Цзэдун с восторгом смотрит на Маленкова, который, заложив правую руку во френч (точь-в-точь как Сталин), смотрит вперед (то есть в будущее). Под снимком надпись: «Сделан 14 февраля 1950 г. во время подписания Советско-Китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи». Под фотографией – статья Мао Цзэдуна «Величайшая дружба», в которой недвусмысленно подчеркивалось: «Мы глубоко верим, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Советское правительство во главе с товарищем Маленковым безусловно смогут продолжить дело товарища Сталина...». На второй полосе газеты, в отличие от первополосной речи Маленкова, были опубликованы (слева и справа – параллельно) траурные речи Л.П.Берии и В.М.Молотова, что явно указывало на превосходство Маленкова.

Еще 5 марта 1953 года, когда Сталин (по крайней мере, официально) оставался тяжело больным, состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором председательствовал Н.С.Хрущев. Предоставив слово министру здравоохранения СССР «для информационного сообщения» о состоянии здоровья генсека, Хрущев затем сказал, что «с самого начала болезни товарища Сталина у его постели непрерывно находятся члены Бюро Президиума ЦК. Сейчас, – сообщил он, – дежурит тов. Булганин, поэтому он не присутствует на заседании»².

Наконец, Хрущев предоставил слово Г.М.Маленкову, пафос выступления которого определялся очевидным страхом остаться без Сталина – «бессменного руководителя» партией и страной:

Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас (курсив мой. – А.Ю.). Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве»³.

² Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.2. Оп.1. Д.23. Л.2.

³ Там же.

Нетрудно заметить, что этот страх заставлял очень разных, порой чуждых и даже враждебных друг другу людей сплотиться, по крайней мере, на какое-то время, чтобы не ввергнуть себя в хаос борьбы за власть.

Г.М.Маленков продолжал:

Бюро Президиума поручило мне доложить, что при разработке этих организационных мероприятий мы исходили из того, что в это трудное для нашей партии и страны время важнейшей задачей партии и правительства является обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что в свою очередь требует величайшей сплоченности руководства, *недопущения какого-либо разброда и паники* (курсив мой. – А.Ю.)⁴.

Л.П.Берия на этом заседании выдвинул кандидатуру Г.М.Маленкова на должность Председателя Совета Министров, как было сказано, «в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин»⁵. Первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР назначались Л.П.Берия, В.М.Молотов, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович. Утверждался состав Президиума ЦК (И.В.Сталин, Г.М.Маленков, Л.П.Берия, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович, А.И.Микоян, М.З.Сабуров, Г.М.Первухин).

10 марта 1953 года вновь состоялось заседание Президиума ЦК КПСС. Оно напрямую было связано с публикацией в «Правде» материалов о похоронах И.В.Сталина. О содержании разговора в Президиуме ЦК КПСС известно из записок П.Н.Поспелова, который довольно подробно описал состоявшуюся беседу.

В выступлении Г.М.Маленкова 10 марта впервые после смерти Сталина прозвучали слова о недопустимости «культ личности». В научных публикациях, относящихся к истории этого заседания Президиума ЦК КПСС, как верно заметил Л.Максименков, «осуждение "культ личности" Маленковым рассматривалось<...> как относящееся к Сталину»⁶.

Однако эти слова прозвучали в определенном контексте, и потому они имели свои смысловые границы.

Итак, П.Н.Поспелов писал в своих записках:

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л.3.

⁶ Максименков Л. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. №10. С.36–40.

10 марта 1953 г.

Вызов на заседание президиума ЦК
(т. Сулов, т. Поспелов, т. Шепилов)

т. Маленков

Мы вызвали товарищей для замечания и предупреждения по линии газет. Сегодняшний номер «Правды» по ряду обстоятельств является неправильным.

Неправильно расположены при печатании речи: первая – на всю полосу, остальные – на половину полосы. Надо было печатать одинаково. Снимок на третьей полосе опубликован без ведома ЦК. Публикация такого снимка без ведома ЦК выглядит как провокация. Такого снимка [Сталин, Мао Цзэдун, Маленков] вообще не было. Это [произвольный] монтаж. Был общий снимок при подписании договора с Кит[айской] Народ[ной] Республикой. Редакция «Правды» допустила и другие нарушения. Первый почетный караул был не полностью опубликован. Последний почетный караул [снимок был утвержден в ЦК] был опубликован так, что фамилии разделили. При выносе не были упомянуты т. Первухин и т. Сабуров (в очерке Суркова в описании послед[него] почетного караула – одни охарактеризованы как верные ученики и соратники, другие без такой оценки).

Тов. Маленков подчеркнул, что у нас были *крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности* (курсив мой. – А.Ю.). И сейчас надо сразу поправить [тенденции в этом направлении]. Было бы неправильным, скажем, цитировать выступление [на траурном митинге] одного. Не можем цитировать одного, потому что это, во-первых, незаслуженно, а во-вторых, неправильно с точки зрения культа личности (курсив мой. – А.Ю.).

А в случае с публикацией без ведома ЦК произвольно смонтировано фото – это выглядит как провокация («услужливость»... и т. д.).

Считаем обязательным *прекратить политику культа личности* (курсив мой. – А.Ю.). Цитаты [только] одного человека – нельзя публиковать. Тов. Поспелов как секретарь

ЦК обязан обеспечить необходимый контроль за газетами и журналами в духе указаний Президиума ЦК⁷.

Мы ничего не знаем о том, что хотел сказать или не хотел сказать Маленков о культе личности именно Сталина, и нет никаких оснований полагать, что «вышколенные подчиненные сразу догадались, что подразумевал начальник»⁸.

После первых публикаций о заседании Президиума ЦК КПСС с конца 80-х гг. прошлого века в науке возникла тенденция считать указания Маленкова первым шагом в осмысленном демонтаже культа личности Сталина.

Между тем первое упоминание «культа личности», если исходить из основной интенции записок Пospelова, *никак не связано* с именем Сталина, потому что ключевая идея в выступлении Маленкова заключалась в том, чтобы никто из членов Президиума ЦК не получил предпочтения, чтобы руководство стало коллективным. Думается, прав Максименков, говоря, что в марте 1953 года под «культом личности» подразумевался «не культ личности Сталина, а персональный культ – выделение статуса одного из членов коллективного руководства в ущерб остальным»⁹.

Ответная реакция «Правды» на критику Маленкова последовала 11 марта: в этот день вышел следующий номер газеты, в котором была соблюдена новая установка – никому из членов Президиума ЦК не давать предпочтения; газета писала исключительно о «коллективном руководстве» страной в лице «товарищей Маленкова, Берия, Молотова».

«Знакомство с подшивкой газеты «Правда» за 15 марта – 5 июля 1953 года подтверждает, – пишет Максименков, – что за это время были опубликованы только две фотографии нового советского коллективного руководства: на заседании Верховного Совета СССР 15 марта и на трибуне Мавзолея во время военного парада и демонстрации трудящихся 1 мая. Указания Президиума ЦК скрупулезно соблюдались в текстах газетных публикаций. В марте – конце июня речи Маленкова, Берии и Молотова на траурном митинге упоминались вместе, в номинативных перечислениях»¹⁰.

⁷ Там же. С.38–39.

⁸ Фельдман Д.М. *Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте*. М., 2006. С.38.

⁹ Максименков Л. *Указ соч.* С.39. Ср.: *XX съезд КПСС и его исторические решения*. М., 1991. С.13; Пихоя Р. *Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985*. М., 2007. С.224.

¹⁰ Максименков Л. *Указ соч.* С.39.

Следует иметь в виду, что в партии давно существовал культ «коллективного руководства», которому поклонялся и сам Сталин, неоднократно заявляя, что не он – вождь партии – решает судьбу страны, а коллективный руководитель, Центральный Комитет партии.

Можно не верить Сталину и видеть в его словах только игру большого политика, но нет оснований для сомнений в том, что в сознании партийцев любого ранга признание ЦК высшей инстанцией было одновременно и образцом личной скромности, и эталоном поведения большевика.

Реальность распознается по своим последствиям: если слова Сталина приводили к действиям по укрощению особо ретивых песнопевцев в его адрес, то бессмысленно ставить вопрос о неискренности вождя. Как бы ни была сильна его склонность к безраздельной власти, это нисколько не противоречило тому, что одновременно он мог *демонстрировать* и образцовые качества большевика (в том числе и для создания условий своей безраздельной власти).

Один из ответов Сталина в ответ на восхваления в его адрес стал после 5 марта 1953 года важным аргументом для партийных идеологов в пользу того, что борьба с «культом личности» имеет расширительное значение...

16 февраля 1938 г. Сталин направил в Детгиздат письмо, в котором решительно потребовал запретить книжку под названием «Рассказы о детстве Сталина».

Он писал:

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских людей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на

мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку. И.Сталин¹¹.

По мнению Л.Максименкова, «не эстетическая критика, содержащаяся в тексте письма, объясняет то, почему многие мысли, высказанные Сталиным, пятнадцать лет спустя будут так широко использованы партийной пропагандой в разоблачении "культа личности" самого Сталина. Вневременной политической актуальностью письмо было обязано своим основополагающим тезисам. Во-первых, утверждению, что практика культа брала свое начало в эсеровских теориях, в народнических взглядах на роль личности и народных масс в истории. Этим подчеркивалась ее исконная антимарксистская сущность. Во-вторых, множественное число слов "личность", "вождь", "герой" соотносило документ как с эпохой тридцатых годов, ее "плюрализмом" вождей, когда грандиозная конструкция культа еще не была окончательно завершена, так и с эрой послесталинского "коллективного руководства", когда конструкция сталинского культа уже частично демонтировалась»¹².

Вернемся к запискам П.Н.Поспелова. Публикуя их, Максименков, привел не весь текст, а только основную его часть, касающуюся непосредственно «культа личности»¹³. Между тем в записках Поспелова содержится «продолжение» – весьма важная информация о поведении высших руководителей страны в первые дни после смерти Сталина.

Восполним этот пробел:

10/III от 21 до 23 часов вместе с тов. Степановым.

Вызваны следующие редакторы –

1. «Известий» – т. Губин.
2. «Красн[ой] Зв[езды]» – т. Московский.
3. «Литер[атурной] Газ[еты]» – т. Симонов.
4. «Красн[ый] Флот» – т. Зенушкин.
5. «Москов[ской] Правды» – т. Гончаров.
6. «Комс[омольской] Правды» – т. Горюнов.
7. «Труд» – т. Стрепухов.

¹¹ Там же. С.29–30.

¹² Там же.

¹³ В дальнейшем эта публикация без изменений вошла в подготовленный им же сборник документов (Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В.Максименков. М., 2005).

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» В МАРТЕ 1953 ГОДА

- предупреждены, что все фото руковод[ящих] парт[работников] и правительства [в связи с траурными днями] – публиковать только с ведома ЦК.
- не перепечатывать снимки из «Правды» [произвольный монтаж], опублик[ованный] на 3-й полосе.

10/III 53 г.

- сделаны ссылки на то, что тов. Маленков выразил резкое недовольство публикацией произвольного монтажа без ведома ЦК.
- при беседах о передовых и статьях в связи с траурными речами – говорилось о необходимости соблюдения необходимого такта (в том смысле, чтобы не цитировать только одну речь – учитывая, что выделение первой речи в смысле верстки также вызвало недовольство тов. Маленкова).

Т(ов). Шепилов. 10/III 53 г.

23 ч. 50 м.

Как быть с публикац[иями]

1. Соболезнов[ания] внутри страны (свыше 100.000).
2. Соболезнования мидовские.
3. Не следует ли ограничиться публикацией общего короткого.
Ответы с выражением признательности.
4. О публикации статей, посвященные памяти И.В.Сталина, написанных (так в рукописи. – А.Ю.) деятелями братских партий и стран народ[ной] демократии.

Т. Маленков – о брошюрах
[речи на траурном митинге]

1. Темно-синяя обложка. Шрифт – одинаковый для всех брошюр. Тираж – 3 миллиона, для всех брошюр.
2. Относительно портретов – дать как всегда давали речи на XIX съезде – были без портретов, в том числе и речь И.В.Сталина.
(Задержка печати на 1 мес., если печатать с портретами).
3. Относительно общей брошюры – все три речи – скажет дополнительно.

13 марта

Поручение тов. Хрущева Н.С.

Взять под наблюдение подготовку кино-картины, посвященную (так в рукописи. – А.Ю.) памяти И.В.Сталина (текст, снимки).

Провести те установки, которые были даны на Президиуме ЦК в отношении печати.

19/III – был просмотр

(вместе с тов. Пономаренко и тов. Кружковым)

Конец картины был переделан по моим замечаниям, переданным через тов. Кружкова (тема – советский народ удваивает усилия, но стоит... (запись на этом обрывается. – А.Ю.)¹⁴.

Как видно, 10 марта 1953 года газетчикам было сказано о недопущении самостоятельных (без ведома ЦК КПСС) публикаций фотографий высших руководителей партии и правительства. Особо предупредили – не перепечатывать материалы из номера «Правды» за 9 марта. И еще: надо иметь «необходимый такт» и не цитировать речь только одного из членов Президиума ЦК. Таковы границы сообщения: никаких намеков или полунанамеков на то, что новая политика касается лично Сталина, ничего, что означало бы большее – смену курса.

Уже глубокой ночью 10 марта 1953 года Д.Т.Шепилов определил, что «коллективное руководство» означает полное равенство тех вождей партии (Г.М.Маленкова, Л.П.Берии, В.М.Молотова), которые выступали на похоронах И.В.Сталина, равенство во всем: в тиражах «похоронных речей», в одинаковых шрифтах «для всех брошюр». Даже шрифт мог бестактно выделить одного из них!..

С 13 марта средствами массовой коммуникации руководит лично Н.С.Хрущев, секретарь ЦК КПСС¹⁵.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.629. Оп.1. Д.54. Л.70–72.

¹⁵ 14 марта 1953 года состоялся новый Пленум ЦК КПСС. Председательствовал на нем Н.С.Хрущев. Он и объявил о повестке дня: «Мы имеем в виду сегодня на заседании Пленума ЦК КПСС рассмотреть предложения Президиума Центрального Комитета в связи с предстоящей сессией Верховного Совета СССР, а также некоторые организационные вопросы». Было предоставлено слово Г.М.Маленкову, который внес предложения: «1. Удовлетворить просьбу тов. Маленкова об освобождении его от обязанностей сек-

**19 марта 1953 года.
«Священный долг
писателя»**

Смена горизонтов в жизненном мире советских людей существенна для понимания того, как развивался процесс демонтажа идеологической системы сталинизма.

По мнению Д.М.Фельдмана:

...сама идея Маленкова – прекратить повсеместное восхваление Сталина – была сразу принята *функционерами его уровня. И реализована задолго до официального утверждения на ближайшем Пленуме ЦК партии* (курсив мой. – А.Ю.). Согласно специфическим советским традициям, новые идеи партийного руководства осторожно «обкатывались» поначалу в литературном контексте – на уровне массовой периодики. Избегая прямых указаний относительно быстрой смены идеологических установок, партийные лидеры, как говорится, одергивали, поправляли литераторов, не успевших воспринять «новые веяния». К примеру, 19 марта 1953 года «Литературная газета» поместила передовую статью «Священный долг писателя», где, как и обычно, декларировалось: «Самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина». Однако 26 марта 1953 года была опубликована передовая статья «Достоинно показывать великие дела народа», где главной задачей провозглашается «изображение советского человека, строителя коммунизма». При этом упоминаний о Сталине, о «величайшем гении всех времен и народов», не было вообще. Установка здесь предельно ясна: вместо выдающейся личности, вместо гения и героя – народ¹⁶.

ретаря ЦК КПСС, имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС. 2. Председательствование на заседаниях Президиума ЦК КПСС возложить на тов. Г.М.Маленкова. 3. Руководство Секретариатом ЦК КПСС и председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС возложить на секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С.» (РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.25. Л.1–2).

¹⁶ Фельдман Д.М. Указ. соч. С.39.

Трудно согласиться с тем, что процесс демонтажа сталинизма проходил столь быстро как вполне определенная и заранее продуманная смена идеологических установок. Прямо связывая две публикации между собой и видя в этой связке проявление воли партийного руководства, Фельдман настаивает на том, что такой была осмысленная позиция правящей элиты. Между тем анализ источников не подтверждает эту мысль: партийная элита явно еще не знала, куда выведет «кривая» последних событий, а статья К.Симонова была его личной инициативой.

В книге «Глазами человека моего поколения» писатель стремился воспроизвести конкретное восприятие им Сталина в разные годы, но так, чтобы не ушла именно история восприятия – от безоговорочного поклонения вождю всех народов до скептицизма эпохи XX съезда:

Первым, главным чувством было то, что мы лишились великого человека. Только потом возникло чувство, что лучше бы лишиться его пораньше, тогда, может быть, не было бы многих страшных вещей, связанных с последними годами его жизни. Но что было, то было, в истории нет вариантов. Варианты возможны только в будущем, в прошлом их не существует. Первое чувство грандиозности потери меня не покидало долго, в первые месяцы оно было особенно сильным. Очевидно, под влиянием этого чувства я вместе с еще одним литератором, любившим демонстрировать всю жизнь решимость своего характера, но в данном случае при возникновении опасности немедленно скрывшимся в кустах, сочинил передовую статью, опубликованную в «Литературной газете» девятнадцатого марта пятьдесят третьего года, в которой среди иного прочего было сказано следующее: «Самая важная, самая высокая задача, со всею настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина».

В дальнейшем, правда, в передовой разъяснялось, что, рисуя образ Сталина, писатели создадут образ связанной с его деятельностью эпохи, свершений этой эпохи и так далее, и тому подобное, но исходная формулировка была именно такая. Передовая называлась «Священный долг писателя», и в приведенном мною абзаце первое, что вме-

нялось писателям как их священный долг, было создание в литературе образа Сталина. *Никто ровным счетом не заставлял меня это писать, я мог написать все это и по-другому, но написал именно так, и пассаж этот принадлежал не чьему-либо иному, а именно моему перу (курсив мой. – А.Ю.)*¹⁷.

Как видно, Симонов, ничего не скрывая от читателя, отмечал, что никто его не заставлял писать передовую статью. Да и вряд ли сразу после похорон Сталина нужно было кого-то заставлять писать подобные статьи. Это выражение народной скорби сразу после похорон было вполне естественным.

В чем же тогда «сбой»? Почему статья Симонова вызвала гневную реакцию Хрущева? Потому, что в ней воспевался Сталин? Но такими материалами были наполнены многие журналы и газеты. Почему Хрущев не звонил в другие печатные органы, а только в «Литературную газету»?

Если бы все сказанное Маленковым (и другими высшими руководителями) 10 марта 1953 года воспринималось как ясный знак «прекратить повсеместное восхваление Сталина», то вряд ли бы руководители журналов и газет ослушались (см. выше). Значит, такого знака не было, и слова о культе личности прямого отношения к Сталину тогда еще не имели.

К.М.Симонов сам объяснил, в чем состояла его политическая ошибка:

Мною же был задан и общий тон этой передовой, в которой как священный долг писателей *прежде всего рассматривались мемориальные задачи, а не обращение к нынешнему и будущему дню* (курсив мой. – А.Ю.). На мой тогдашний взгляд, передовая была как передовая, я не ждал от нее ни добра, ни худа, в основу ее легло мое выступление на происходившем перед этим митинге писателей, смысл которого в основном совпадал со смыслом передовой. Однако реакция на эту передовую внезапно оказалась очень бурной. Я к тому времени после долгой борьбы с разными людьми, не желавшими понимать, что я хочу продолжать хоть что-то писать, выговорил себе право еженедельно вы-

¹⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988. С.284.

пускать два из трех номеров газеты, а третий только вчерне подготавливать вместе с заместителем, этот третий, субботний, номер подписывал заместитель. Номер с передовой «Священный долг писателя» вышел в четверг. Четверг после его выхода я провел в редакции, готовя следующий номер, и, глядя на ночь, в пятницу уехал за город, на дачу, чтобы пятницу, субботу и воскресенье писать там, а утром в понедельник приехать в редакцию и с самого утра делать вторичный номер. Телефона на даче не было, и я вернулся в понедельник утром в Москву, ничего ровным счетом не ведая.

– Тут такое было, – встретил меня мой заместитель Косолапов, едва я успел взять в руки субботний номер, которого еще не читал. – А лучше вам расскажет об этом Сурков, вы ему позвоните, он просил позвонить, как только вы появитесь.

Я позвонил Суркову, мы встретились, и выяснилось следующее: Никита Сергеевич Хрущев, руководивший в это время работой Секретариата ЦК, прочитавши не то в четверг вечером, не то в пятницу утром номер с моей передовой «Священный долг писателя», позвонил в редакцию, где меня не было, потом в Союз писателей и заявил, что считает необходимым отстранить меня от руководства «Литературной газетой», не считает возможным, чтобы я выпускал следующий номер. Впредь, до окончательного решения вопроса – надо полагать, в Политбюро, это уж я додумал сам, – пусть следующий номер, а может быть, и следующие номера читает и подписывает Сурков как исполняющий обязанности генерального секретаря Союза писателей.

Из дальнейшего разговора Сурков выяснил, что все дело в передовой «Священный долг писателя», в которой я призывал писателей *не идти вперед, не заниматься делом и думать о будущем, а смотреть только назад* (курсив мой. – А.Ю.), только и делать, что воспевать Сталина, – при такой позиции не может быть и речи, чтобы я редактировал газету¹⁸.

¹⁸ Там же. С.285–286.

Существенно, что не Симонов говорил с Хрущевым, а Симонову пересказали слова Хрущева (согласно книжной версии):

По словам Суркова – не помню, прямо говорившего с Хрущевым или через вторых лиц, – Хрущев был крайне разгорячен и зол.

– Я лично, – сказал Сурков, – ничего такого в этой передовой не увидел и не вижу. Ну неудачная, ну действительно *там слишком много отведено места тому, чтобы создавать произведения о Сталине, что это самое главное* (курсив мой. – А.Ю.). В конце концов, что тут такого. Можно в других передовых статьях снять этот ненужный акцент на прошлом. Сначала хотел послать к тебе гонца, вызвать тебя, а потом решил не расстраивать, может, за это время все обойдется. Номер, как мне сказал Косолапов, был готов, я приехал, посмотрел его и подписал. Фамилию твою не требовали снимать, требовали только, чтоб я прочитал и подписал номер. Вот и подумал, стоит ли выбивать тебя из колеи, ты сидишь там, пишешь? Вернешься в понедельник, может, к этому времени все утрясется.

Так оно в результате и вышло. На каком-то этапе, не знаю, где, в Секретариате или в Политбюро, все, в общем, утряслось. Когда Сурков при мне позвонил в агитпроп, ему сказали, чтобы я ехал к себе в редакцию и выпускал очередной номер. Тем дело на сей раз и кончилось. Видимо, это был личный взрыв чувств Хрущева, которому тогда, в пятьдесят третьем году, наверное, была уже не чужда мысль через какое-то время попробовать поставить точки над «и» и рассказать о Сталине то, что он счел нужным рассказать на XX съезде. Естественно, что при таком настроении передовая под названием «Священный долг писателя» с призывом создать эпохальный образ Сталина как главной задачи литературы попала ему, как говорится, поперек души. И хотя, видимо, его склонили к тому, чтобы мер, в горячке предложенных им, не принимать, невзлюбил он меня надолго, на годы, вплоть до появления в печати «Живых и мертвых», считая меня одним из наиболее заядлых сталинистов в литературе¹⁹.

¹⁹ Там же. С.286.

Конечно, можно усомниться в том, что Симонов достоверно изложил события, полагая при этом, что писатель всегда писатель и ему вообще присуще стремление выдумывать драматические истории из своей жизни.

Однако исследователи упустили из виду сохранившуюся стенограмму заседания редколлегии «Литературной газеты»²⁰. В ней Симонов критиковал себя за неудачную передовую статью от 19 марта и выражал надежду на то, что следующая передовая (26 марта) правильно покажет перспективу развития страны. Противоречит ли дух воспоминаний документу эпохи?

Из выступления К.М.Симонова:

У нас сегодня докладчики тт. Трифонова и Саконтиков. Прежде, чем представить слово докладчикам, я хочу сказать несколько слов сам. У нас 19 марта в №34 была напечатана передовая «Священный долг писателей». Эта передовая моя. Передовая эта страдает *серьезными неправильностями* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.). В ней есть целый ряд серьезных неправильностей в отношении того, *какие задачи стоят перед литературой в этот период, сужены* (так в тексте. – А.Ю.). В ней не сказано о том, что задачи нашей литературы очень широки, что задачи нашей литературы связаны с решениями XIX съезда, с теми грандиозными задачами, которые поставлены перед народом, перед страной на съезде, грандиозными созидательными началами. Правильно было бы в такой передовой, говорящей о долге писателей, *показать, каков весь объем задач, стоящих перед литературой*. А этот объем задач есть, так сказать, *показ задач народа, показ задач всей страны, показ тех грандиозных созидательных трудов, которым сейчас отдает силы наш народ*. Таковы задачи литературы – показать это разносторонне во всех жанрах, очень широко, очень сильно. Этого в передовой не сделано. Поэтому передовая «Священный долг писателей» не раскрывает той подлинной *огромной широты задач*, которые перед ними стоят. Вот те серьезные недостатки, не-

²⁰ Стенограмма редакционного совещания (летучки) по обсуждению номеров 33, 34 и 35 «Литгазеты» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.634. Оп.4. Д.424. Л.1–2.

правильности, которые есть в этой статье. Значит, нам предстоит эту ошибку поправить: и поправить, *дав правильную передовую на эту тему, которая готовится* (! – А.Ю.), и поправить в конкретных статьях, которые будут анализировать явления литературы, обобщать эти явления и показывать ту подлинную широту задач, которые стоят перед нашей советской литературой.

Вот то, что я хотел сказать в связи с этой передовой и что, мне кажется, более или менее исчерпывает то, что о ней нам следует сказать²¹.

Как видно, связь двух передовиц в «Литературной газете» объяснил сам Симонов. В первой не были поставлены масштабные задачи перед литературой, которые бы соответствовали народным свершениям. Во второй (опубликованной 26 марта под названием «Достойно показывать великие дела народа») запланировали дать уже не мемориальную, но актуальную статью, с характеристикой как народных свершений в настоящем, так и светлого будущего.

В стенограмме заседания редколлегии «Литературной газеты» речь постоянно шла о том, как глубже и шире показать роль Сталина или, например, как лучше издать книгу стихов под названием «Народ – Сталину».

Из выступления т. Трифоновой:

Обзор стихов, посвященных тов. Сталину, в общем удачен. Удачно отобраны и стихи в этот обзор, и передает этот обзор то действительно огромное чувство, которое выражалось в этом бесконечном потоке стихов, посылаемых в редакцию не только нашу, и многие другие²².

Из выступления т. Саконтикова:

Обозревать центральные газеты за прошедшие недели – значит сделать попытку оценить выраженную в газетных материалах скорбь народа, глубокую боль, вызванную кончиной тов. Сталина. Мне кажется, что все применявшиеся средства сравнения, споры о форме и степени подачи, доходчивости не только не применимы, но даже не уместны, когда мы просматриваем материалы центральных газет и

²¹ Там же.

²² Там же. Л.9.

нашей. Народ охвачен горем. Все газеты вместе взятые сумели в небольшой степени отобразить это горе. И это понятно, потому что в слабых корреспондентских строках и очерках выразить это горе нелегко. Но *газеты, особенно в последние полторы–две недели* (курсив мой. – А.Ю.) отобразили и другие чувства, мысли и желания, рожденные скорбью. Это – еще более тесное сплочение в великой братской семье под успешным руководством Коммунистической партии. Это – безраздельное доверие к Коммунистической партии. Это – повышение политической бдительности. Это – мобилизация всех сил и творческой энергии на великое дело построения коммунизма в нашей стране. Эти чувства выражались и в пропагандистских статьях, и в очерках, и в информации. Эти настроения действия, самоотверженного активного действия, основывались на постановлении совместного заседания Пленума Центрального Комитета, Президиума Верховного Совета и на решениях последней IV сессии Верховного Совета. Если с этой точки зрения посмотреть на эту силу, рожденную скорбью, то пропагандистские статьи имели и еще, видимо, долго будут иметь очень большое значение, как они играли эту роль всегда в нашей большевистской печати. Разъяснение *Сталинского курса и Сталинских идей* (так в тексте; курсив мой. – А.Ю.) – таково и есть назначение пропагандистских статей²³.

Если бы газета получила сигнал, пусть даже намек, на изменение политической конъюнктуры, никто бы в редакции не стал выступать с таким пафосом о Сталине. Напротив, из слов т. Саконтикова следовало, что Сталинский курс и Сталинские идеи – это и *есть светлое будущее* советского народа.

Сложность познавательной ситуации заключается в том, что вскоре после смерти Сталина действительно возникла идеологическая кампания противопоставления выдающейся личности (в абстрактном смысле) – народу как истинному творцу истории. Но эта кампания стала разворачиваться, начиная с 10 июня 1953 года, после публикации в газете «Правда» передовой статьи «Коммунистическая партия – направляющая и руководящая сила советского народа». В этой статье по-прежнему

²³ Там же. Л.10–11.

обозначалось равенство «триумvirата» в определении будущих целей политики КПСС:

Существо политики нашей партии, изложенной в выступлениях товарищей Г.М.Маленкова, Л.П.Берия и В.М.Молотова, заключается в том, чтобы обеспечить все необходимые условия для еще более успешного строительства коммунизма в Советской стране.

Пафос статьи – в том, что великие учителя, Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, всегда «подчеркивали определяющую роль народных масс в истории, решительно выступая против вредного культа личности».

После июльского Пленума Президиума ЦК КПСС (1953), на котором впервые Г.М.Маленков сказал прямо, что был «культ личности Сталина», никакого публичного разоблачения деятельности Сталина не было и быть не могло. По одной лишь причине: высказанную на Пленуме ЦК партии критику Сталина разрешалось повторять только высшим должностным лицам в партии на закрытых мероприятиях. Для всех прочих, и советского общества в целом, оставалась актуальной кампания разоблачения «вредного культа личности» вообще, т.е. почитания великой личности вопреки тому, что народ – истинный творец истории. Теперь в любых областях человеческой деятельности искали и находили этот «перекос». Стали писать статьи о вреде «культа личности» в музыке, в балете, в биологии, в физике, в агрономии и т.д. – словом, где только ни находили этот «вредный культ», и никому не позволялось публично говорить о том, что в истории страны был культ личности И.В.Сталина.

Такая возможность в полной мере открылась только после секретного доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС.